

БОРИС ЕМЕЛЬЯНОВ

РАССКАЗЫ О МАМЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

БОРИС ЕМЕЛЬЯНОВ

РАССКАЗЫ О МАМЕ

МОСКВА „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ 1981

Об авторе этой книги

Я хочу сказать, дорогие ребята, несколько слов об авторе этой книги.

Я знал его... Он был человеком весёлым и добрым, любил детей и природу, рыбачил и путешествовал. Собственно говоря, путешествием была вся его жизнь. Он находился в непрерывном поиске и когда работал журналистом в довоенные годы, и когда в годы сражений выступал на страницах военных газет и журналов с огневой публицистикой, с очерками, окрылявшими сердца защитников Родины.

Самое важное то, что его поиски увенчались счастливыми находками. В результате вы, ребята, получили увлекательные, умные книги, на обложках которых вас встречает имя близкого и верного друга: Бориса Емельянова.

Борису Александровичу было чем поделиться с вами, потому что жизнь его была богата и интересными событиями и верными друзьями.

Борис Емельянов был отличным рассказчиком и очень часто бывал в школах и пионерских отрядах. Ребята всегда с огромным интересом слушали его. Сейчас Бориса Александровича уже нет среди нас. В 1965 году он умер. Но побеседовать с ним вы можете. Раскройте книги писателя — и вы услышите его живой голос.

Анатолий Алексин

Рисунки Е. Кольцовой.

Емельянов Б. А.

E60 Рассказы о маме: Рассказы/Рис. Е. Кольцовой. Переизд. — М.: Дет. лит., 1981. — 32 с., ил. (Читаем сами).

10 к.

Книга рассказывает о маленьких ребятах — Мише и Маше, их маме и бабушке, а также о мальчишке, по прозвищу дед Макабка, о его жизни в деревне.

E 70802—244
M101(03)81 219—81

P2

© Состав. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1981 г.

РАССКАЗЫ О МАМЕ

ОБИДА

Утром в воскресенье дети сидели на подоконнике и глядели во двор: ждали маму.

Во дворе дотаивали на солнце снежные кучи, и от крыльца к воротам под горку бежал ручей. Мохнатое существо, закутанное в платки и башлыки, похожее на медвежонка, носило на лопатке снег — от кучи к ручью.

— Нюшка, — сказала Маша с завистью, — гуляет. А мы тут сидим.

— Ну и что, — сказал Миша. — Мама сейчас придёт,

и мы тоже пойдём гулять. Вон она, мама, в воротах, гляди, бежит.

Мама у Маши и Миши была молодая, тоненькая, как девочка, мама-подружка.

Папа плавал на ледоколе далеко в море, такая ему выпала служба, мама работала на фабрике, и дети часто и подолгу оставались дома одни с бабушкой.

Маму свою Миша и Маша любили.

Сегодня мама задержалась во дворе, и брат с сестрой глядели на эту задержку с неодобрением. Неужели она не понимает, её дети ждут! Что за человек! Ни с того ни с сего мама остановилась возле мохнатой Нюшки и долго смотрела на неё и смеялась. А потом стала завязывать и перевязывать бесчисленные Нюшкины шарфы, платки, башлыки, тесёмки от варежек и тесёмки от шапкиных ушей. Нюшка, видно, была довольна, стала крутить головой в разные стороны, а раньше не могла. А под конец, что уж было совсем ни к чему, мама расцеловала Нюшку в круглые красные щёки. Маша даже отвернулась, чтоб не видеть такое.

— Ну,— наконец сказала мама,— где мои дети? Куда они делись?

Молчание в комнате испугало маму.

— Что случилось?..— спросила она громко.— Почему молчите?

— Мы на тебя обиделись,— мрачно сказала Маша.— Мы здесь!

— Обиженные,— подтвердил Миша.

— За что?— спросила мама.

— Сама знаешь за что,— сказал Миша.— Зачем Нюшку целовала? Она что — твоя?

— Не твоя,— сказала Маша.— Не надо было её целовать.

— Башмаки у неё всегда развязываются,— сказал Миша.— Вчера у неё гамаша с ноги слезла и намокла. Нос у неё мокрый. Ты бы ей ещё нос вытерла.

— Вы, мои милые дети, что-то сегодня ерунду говорите,— сказала мама.— Я Нюшу люблю, она хорошая девочка. Нос у неё сухой. Живёт она на нашем дворе, в нашем государстве. Мы с Катей, её матерью, рядом за станками стоим и на вас, шалопутов, работаем. А вы, дети мои,— глупые ревнивые дураки!

— Ладно, — сказала тогда Маша совсем обиженно. — Пусть глупые. Целуй умных.

Маша с Мишей залезли за диван и долго там сидели и шептались.

— Так, — говорил Миша громким, на всю комнату, шёпотом. — Мы на тебя ещё и папе пожалуемся, когда он придет, чтоб не обзывала дураками. Мы тебе устроим.

— Жалуйся, ябеда, — сказала мама с другой стороны дивана. — Устраивай. Очень мне только интересно, вы со мной, обиженные, пойдёте гулять или останетесь дома?

Дети за диваном минуту помолчали.

— Можем пойти, — сказал Миша.

— Сделайте такое одолжение, — засмеялась мама. — Пожалуйста, пойдёте.

Бабушка осталась печь пироги. Дети отправились с мамой в зоопарк, ходили там по мокрым весенним дорожкам.

Мама сказала:

— Отойдите от загородки подальше. У этого верблюда страшная морда, и он может на вас плюнуть.

— Верблюд этот совсем не страшный, — сказал Миша. — Это наш верблюд!

Маша добавила твёрдо:

— Мы этого верблюда любим. Нюшка плюётся, когда сердится, а этот верблюд никогда.

— Вот что, — сказала мама и посмотрела на ребят с великим удивлением. — Вот что, — повторила она. — Вот, значит, какие мы!

Мама схватила в охапку Мишу и Машу и стала их тормошить и целовать, а они кричали:

— Пусти! Целуй свою Нюшку!

Вечером Миша и Маша опять сидели за диваном. На этот раз они загадывали и разгадывали трудную загадку: за что они на маму обиделись?

Загадку эту они так и не разгадали: обижаться было не за что, да и вспоминалась обида с большим трудом.

НАДО И НЕ ХОЧЕТСЯ

С вечера у мамы разболелась голова.

Ночью Маша проснулась и увидела: мама сидит у стола под лампой и обеими руками сжимает голову у висков, так ей больно.

Маша сказала спросонок:

— Милая мамочка, мне тебя жалко.

И опять заснула.

Утром мама, как всегда, встала рано. Миша и Маша лежали и смотрели, как мама расчёсывает перед зеркалом волосы, а потом на кухне застучал крышкой чайник, бабушка вошла и сказала:

— Ну, лежебоки! Вставайте на работу. Живо!

Маша сказала:

— Работы у нас никакой нет, мы маленькие.

Миша сказал:

— Это ты маленькая, а я большой. Работа у меня есть: состругать табуретку. Кот её ободрал когтями. Можно её, конечно, состругать завтра...

Маша сказала:

— Мне надо сшить Матрёшке платье. Табуретка твоя — ерунда.

— Хватит разговаривать,— сказала бабушка и сдёрнула с ребят одеяла.— Мать сейчас уйдёт.

Мама сидела за столом бледная. Она и чашку с чаем не допила и плюшку не доела, а только сказала:

— Милые мои товарищи! Если бы вы знали, как вашей маме сегодня не хочется идти работать!

— Не хочется и не ходи,— сказал Миша.— Сиди дома.

— Конечно, не ходи, раз не хочется,— сказала Маша.

Мама посмотрела на ребят с удивлением и вроде даже не поняла, что они говорят.

— А как же быть, дети мои, если надо?— сказала она, стукнула Мишу легонько по затылку, поцеловала обоих ребят, оделась и ушла.

Сели ребята на диван, наморщили лобики и задумались. Думали, а о чём, кто знает?.. Часто, что ли, они так задумываются?

— Иди стругай табуретку,— сказала Маша.

Миша покачал головой и сказал:

— Чего-то не хочется.

— Надо!— строго сказала Маша.— Бабушка об неё вчера занозила палец.

Осталась Маша одна. Сшить, что ли, платье Матрёшке или не сшить? Не хочется. А надо. Не ходить же Матрёшке голой.

МАМА ВСЕ ПОНИМАЕТ

Совсем, казалось, весна пришла, и вдруг небо нахмурилось и сверху посыпался снег. Миша и Маша пошли к бабушке на кухню и долго стояли возле плиты и молчали.

— Ну,— сказала бабушка,— говорите сразу, что надо. Сразу говорить дети почему-то не умели.

— На улицу ты нас непустишь,— сказала Маша.

— Не пущу,— подтвердила бабушка.

— Мы и не просимся,— сказал Миша.

— На улице грязно,— сказала Маша.

— Мокро,— добавил Миша.— Холодно.

— Скучно,— сказала Маша.— На улице никого нет.

— Какие умные дети!— воскликнула бабушка.— Ничего им объяснять не надо. Всё видят, всё знают сами.

— Милая бабуся,— сказала тогда Маша,— позволь, пожалуйста, мы позовём к себе Ньюшу и Федю.

— Гм!— сказала бабушка.

— Пожалуйста,— сказал Миша жалобно.

— Мы ничего не испачкаем и не разобьём,— сказала Маша.— Будем сидеть тихо.

— А во что вы будете играть?— спросила хитрая бабушка.— В футбол?

— Миша будет нам рассказывать про своё путешествие в Африку,— сказала Маша.

— Про чьё путешествие?— переспросила изумлённая бабушка.

— Про своё,— сказала Маша.— Очень интересно.

Через полчаса Ньюшка и её братишка Федя сидели в гостях у Миши и Маши. Ньюшка, когда с неё сняли шарфы, платки, шубку и варежки, оказалась очень гладенькой, толстой девочкой, и они с Федей были похожи друг на друга, как два мячика.

Дети сидели в комнате на самом деле тихо. Бабушка долго недоверчиво прислушивалась к тишине, а потом вытерла руки, отставила суп с конфорки и тоже пошла слушать про путешествие.

Миша, оказывается, в Африку уже приехал и теперь ходил в дремучем тропическом лесу и охотился на диких зверей. Ньюшка и Федя слушали его молча, раскрыв рты, и всему верили.

Миша рассказывал здорово.

— Иду — никого нет. Сяду — лев! Сяду — тигр с тигрятами!

— Ой! — сказала Нюшка чуть слышно. — Я боюсь.

Миша посмотрел на неё презрительно.

— Иду дальше, — продолжал он. — Опять никого. Сел — обезьяна, как Нюшка, мохнатая. Макака! Не стал стрелять! Иду. Сяду — удав! Сяду — бегемот! Раз, и готово!

— Ты бы уж постоял, что ли, отдохнул, — сказала бабушка, явно жалея внука. — Легко ли эдак, вприсядку, по Африке.

— Ты, бабушка, в охоте не понимаешь, — сурово объяснил Миша. — Если стоять — звери не подойдут близко, увидят.

— Теперь-то уж поняла, — сказала бабушка. — Конечно, охотничье дело тонкое. Спасибо, внук, за науку. Нюшку только не обижай и макакой не зови! Сидите, сидите, я вас скоро чаем поить буду с вареньем.

Бабушка удалилась на кухню успокоенная и примирённая с Африкой. Увы! Тишина не продлилась до чая. Скоро из комнаты раздался страшный рёв и вой, и спустя минуту в кухню долетел отчаянный Нюшкин вопль. Это Миша, оказалось, нечаянно превратился в тигра, потом обратно в охотника, потом из охотника во льва. Лев прыгнул на Нюшку и защёлкал зубами...

Всё остальное бабушке не надо было рассказывать. Льву попало веником, Нюшке выдали конфету вне очереди. Чайник закипеть не успел.

Миша решил возвращаться из Африки. Скоро оттуда не доедешь. Хорошо, что у него под рукой была волшебная мамина кровать с блестящими никелированными шарами у изголовья. На этой кровати можно, как на самолёте, лететь куда угодно. Нужно только повернуть в разные стороны два блестящих шара, и кровать вылетит в окно мигом. Лучше всякого самолёта.

— Пожалуйста! — Миша пригласил слушателей садиться.

Не оставаться же им в африканских лесах без Миши. Трудно будет только удержаться вчетвером на пружинном матрасе; как-никак вылетать с третьего этажа.

— Держитесь крепче! Лезьте! Нюшку мы посадим. Нюшка побледнела и сказала коротко:

— Не полечу!

Миша сказал:

— Ерунда. Лети!

Нюшка схватилась за диван и за ковёр на полу обеими руками. Голос у неё стал переходить на визг, словно на улице с ходу притормаживали машину.

— Не полечу. Не трогай. Ай!

Миша сказал громко:

— Федька! Помоги мне её отодрать от дивана.

Маша сказала:

— Чудачка! Это охотничьи рассказы. Никто никуда не полетит.

Нюшка завизжала удивительно, ни на что не похоже. Бабушка в коридоре выронила чайник из рук; хорошо, что не обварилась. Нюшку успокаивали полчаса.

Вечером бабушка сказала маме категорически:

— Наташа! Мишку надо за враньё выпороть. Язык у него подвешен не как у людей. С таким языком долго ли до беды? Нюшку он сегодня напугал до полусмерти.

Дети за диваном слушали со страхом.

Маша прошептала:

— Очень уж Нюшка кричала пронзительно.

— Бабке, конечно, вся вера,—пробурчал Миша, прислушиваясь.— Ишь ты, расписывает.

Бабушка тем временем досказывала происшествие до конца.

— А ведь это, пожалуй, и не враньё,—задумчиво сказала мама.

— А что?—спросила бабушка.

— Фантазия, — ответила мама тихо. — Выдумка. А ну, подите сюда, охотники.

Дети вылезли из-за дивана и стали... руки по швам...

— Как там погода в Африке?—спросила мама.

— Тёплая,—сказал Миша и подмигнул Маше: мама всё поняла.

МАМИНЫ РУКИ

Такой это был несчастный, нехороший день!

С утра до вечера Маша капризничала, ссорилась с бабушкой, в комнате убираться не стала, читать не училась,

в тетрадку ничего не писала, а только сидела в углу и хлюпала носом.

Мама пришла, и бабушка ей пожаловалась: целый, мол, день капризничает девчонка и никакого сладу с ней нет.

Мама спросила:

— Что же с тобой, дочка, делается? Ты не больна ли?— и положила Маше на лоб свою руку.

Руки у мамы были удивительные; сухие, чуть шершавенькие, но такие лёгкие и добрые.

На этот раз Маша только головой мотнула и стряхнула с себя мамины руки.

— Фу,— сказала она.— Фу, мамочка! Какие у тебя руки нехорошие.

— Ну вот!—удивилась мама.— Сколько лет жили-дружили, а теперь стала нехороша. Чем же тебе, дочка, мои руки сегодня не понравились?

— Жёсткие,— ответила Маша.— Царапаются.

Мама посмотрела на свои руки. Маше показалось, грустно.

— Руки обыкновенные, — сказала мама. — Рабочие руки. Ничего уж с ними не поделаешь.

Встала и ушла в ванную мыться.

Маше так вдруг стало жалко маму.

Она уже хотела бежать за ней, бабушка не пустила.

— Сиди!—сказала бабушка грозно.— Сиди! Мать обидела ни за что. Руки у твоей матери золотые, это все знают. Материными руками добра сделано — на десять таких, как ты, хватит; полотном, которое мать наткала, полземли устлать можно. Даром что молода, а сноровиста. Мать у тебя не белоручка, работница, плохого в том нет. Станешь к станкам на материно место — дай тебе бог такой быть, обидчица!

— Я её обидеть не хотела,— сказала Маша плача.

— Не хотела, да обидела,— сказала бабушка. — Так тоже бывает. За языком поглядывай. Руки у твоей матери верно, что жёсткие, а вот сердце мягкое... Я бы на её месте тебе как полагается всыпала, горячих... Надрала бы уши.

Мама вернулась и услышала, как бабушка ворчит, а Маша плачет, и сразу не разобралась в чём дело.

— Не стыдно тебе ещё и бабушку обижать,— сказала она.— Сердце у бабки отходчивое. Я бы на её месте...

— Знаю, знаю!—закричала Маша неожиданно весе-

ло и бросилась к матери целоваться и обниматься. — Знаю.

— Ничего ты не знаешь, — сказала мама. — А если знаешь — говори.

— Знаю, — сказала Маша. — Ты бы на бабушкином месте надрала мне уши. Я ведь твои руки обидела.

— Ну и надеру, — сказала мама. — Чтоб не обижала.

— Бабушка тоже говорила, — сказала Маша из угла, — что если бы она была на твоём месте, то надрала бы. А на своём — вы обе не можете.

Бабушка и мама переглянулись и засмеялись.

МАМИНО ГОРЕ

Что такое счастье — кто знает? Мама говорила: счастье у каждого своё.

Так, наверно, и есть на самом деле.

Бабушкино счастье свой срок на земле отслужило и лежало завёрнутое в бумажку в большой красной коробке у бабушки на комод. Миша и Маша один раз залезли потихоньку в красную коробку, когда бабушки не было дома, и нашли в ней две дедушкины медали и тоненькое золотое колечко. Дедушку убили на войне. Дети это знали. Бабушкино счастье они завернули обратно в бумажку, коробку поставили на место и целый день сидели по разным углам и опять думали.

Дети привыкли верить в мамино счастье. Мама у них была счастливая. Вот и сегодня она вернулась с работы, бабушку обняла и сказала:

— Нашу Трёхгорку сегодня наградили орденом Ленина. Ой, как я рада!

Бабушка спросила:

— А тебя, дочка, не наградили?

Мама ответила весело:

— Меня в этот раз не наградили. Наградной лист нам, говорят, пишут.

Бабушка сказала:

— Характер у тебя, Наталья, счастливый. Умеешь ты радоваться не за себя, а за других. Это хорошо.

Через три дня всё стало плохо. Мама сидела с бабушкой за столом и пила чай, дети лежали в кроватках и шёпотом ссорились. Маша сегодня сломала Мишину удочку — доставала удочкой из-под дивана катушку с нитками. Ко-

нечно, Миша сердился. Маша отдавала за удочку Матрешкину синюю кофту. Миша не брал и требовал две тетрадки и красный карандаш. Вдруг мама сказала:

— Такое горе, такое горе... Катя заболела.

Миша даже привскочил на кровати и опять лёг. Вот тебе и раз. А они думали, что у счастливой мамы горя никогда не бывает.

Бабушка сказала по-своему:

— Ты, Наталья, не расстраивайся. Всё перемелется, мука будет. Поправится Катерина, вот увидишь. Это ведь не царское время, когда рабочему человеку жизни не было. Вылечат. Только надо её лечить с умом и со скоростью.

Мама сказала:

— Кате фабричный комитет дал бесплатную путёвку в санаторий, и завтра она уезжает. Всё равно беспокойно.

— Характер у тебя, Наталья, скверный,— вздохнула бабушка.— Горюешь не за себя, а за других.

— Катерина — моя сменщица и подруга,— сказала мама сурово.— Кому же о ней горевать, как не мне. Дети останутся одни на целый месяц.

— С таким гореваньем тебя надолго не хватит,— сказала бабушка,

— Хватит и останется, — сказала мама. — Мы народ крепкий.

— Останется!—подтвердили дети радостным хором.— Мы крепкие.

Мама даже вскочила со стула.

— Спать сейчас же!—рассердилась мама.— Это ещё что за фокусы? Вот уж действительно горе моё.

— А вчера говорила, что радость,— пробормотал Миша.— Тебя пойми.

На другой день мама вроде была весёлая, ходила по комнате и пела. Маша теперь сидела у стола хмурая и молчаливая. Миша в углу стругал табуретку.

Мама посмотрела на Машу.

— Ну,— сказала она,— что затуманилась?

— Ничего я не затуманилась,— сказала Маша.— Нюшка и Федя остались одни. Тётя Катя уехала.

— Тебе-то что,— сказала мама.— Уехала и уехала.

— Нюшка — моя подруга,— сказала Маша.— Кому же о ней беспокоиться, как не мне.

— Федька плачет с утра,— сказал Миша.

— Возьмём Нюшку и Федю к нам жить, пока тётя Катя не вернётся,— сказала Маша.

— Конечно, возьмём,—сказал Миша.— Зачем беспокоиться зря. Взяли, и делу конец.

Так и решили. Взяли Нюшку и Федю. Жили все вместе целый месяц. Выздоровела тётя Катя и вернулась. Бабушка сказала:

— Ну вот, жители. Погоревали, и хватит.

КОНЕЦ

Все как будто несчастья кончились, точно их и не было, а всё-таки какая-то грустинка из дома не убежала и где-то в нём спряталась.

Миша и Маша слышали: мама, когда в комнате гаснет свет, о чём-то вздыхает, а ночью иногда вдруг вскрикивает. Бабушка тогда просыпается и говорит маме:

— Спи, Наташа, спи, милая.

Дети забеспокоились и пошли к бабушке: нет ли у мамы ещё какого горя, чем они могут маме помочь?

— Ладно уж, утешители,—сказала бабушка.— Горя у матери никакого нет. Просто она об Николае, о вашем отце, соскучилась и о нём беспокоится. Плавает-то ведь он не в корыте, а в Северном Ледовитом океане. Там сейчас такого нанесло льда, что даже отцовский ледокол дорогу к берегу никак не проложит. Поняли?

— Поняли,—сказали дети.— А что же нам теперь делать?

— Ничего не делать,—сказала бабушка.— Мать не расстраивать и ждать. У моря погоды и отцовского благополучного возвращения.

Все они вчетвером друг друга больше не расстраивали и ждали. А потом весна и в Северном Ледовитом океане чуток растопила и подвинула льды, и ледокол пробился. В Москве уже травка появлялась кое-где и почки набухали на деревьях, когда Миша вдруг сорвался с подоконника с отчаянным криком:

— Папа приехал!

ДЕД МАКАБКА

Маленький Юрка приехал из города в деревню к бабушке в гости.

Старая бабушка обрадовалась приезду внука и, конечно, стала его расспрашивать, как он ехал и как доехал, долго ли, хорошо ли.

Внук про дорогу рассказывал подробно: ехал долго, хорошо, мягко. За постель в вагоне мама заплатила один рубль и за яблоко пятьдесят копеек...

Бабушка ахнула:

— Пятьдесят копеек за яблоко! То-то я вижу, ты вроде голодный. А ну, погоди!

Она мигом открыла подпол и на глазах у внука провалилась под землю.

Юрка поглядел на чёрную дырку в полу с недоверием и опаской: в городе, где он жил с матерью на восьмом этаже большого серого дома, никаких таких фокусов нельзя было устраивать. Разве только если прорубить дыру из восьмого

этажа в седьмой, в чужую квартиру, за что по головке не погладят.

Бабушка под полом задержалась. Юрка помрачнел и позвал сначала тихонько:

— Бабка, бабка! Иди домой!

Бабушка не отвечала. Она была глуховата, старая бабушка, да и видела не очень уж хорошо и сейчас никак не могла найти в тёмном подвале банку со сметаной и горшок с творогом.

Вместо бабки из подпола вылез толстый пёстрый кот — чёрной, жёлтой и серой шерсти. Розовый кошачий нос был к тому же наполовину белым.

Этот пятицветный котиче намного раньше старой бабушки нашёл в подполе сметану. Неспроста он сейчас мурлыкал на весь дом и очень вкусно облизывался.

Юрка, глядя на пёстрого кота, повеселел и перестал бояться.

— Бабка! — позвал он громко. — Вылезай сейчас же! Что ты там в темноте делаешь?

Из подвала донеслось глухо:

— Сиди, милый! Сметанку ищу.

— Не буду я есть сметану! — заявил Юрка и забубнил потихоньку: — Бабка Макабка! Бабка Макабка!

Этот хитрый человек знал, что бабушка не может услышать такое тихое дразнение. Он, Юрка, только не знал, что со двора в комнату в открытое окошко в это самое время глядела соседская девочка Маша и всё слышала. На широких подоконниках бабушкиного дома в горшках и кадках густо росли цветы. Солнце играло. Листья и травинки на окне шевелились, и среди такой зелени и цветов трудно было разглядеть Машу.

— Ай-яй-яй! — громко сказала она, просовывая в комнату голову. — Ай-яй-яй! Сидит мальчишка и дразнится. И кого дразнит? Бабушку!

— Уйди! — попросил Юрка, беспокойно оглядываясь, и тут же схитрил: — Я вовсе не бабушку дразню, а тебя. Я тебя давно вижу, только молчу. Уходи отсюда, бабка Макабка!

— Это я-то бабка? — удивилась Маша. — Ну уж это ты врешь, дрянной мальчишка! Да я с тобой после этого и играть никогда не буду! Какая же я бабка! А ты сам кто? Старый дед.

Юрка подумал, подумал и неожиданно сказал с удовольствием:

— А что? Дед! Дед Макабка — это я и есть.

Маша фыркнула, цветы на окошке закачались, и девочка исчезла.

Бабушка вылезла из подвала со своими горшками и крынками. Юрка съел три блюда творога со сметаной и отправился гулять.

На улице перед домом вместе с Машей стояли разные мальчишки и девчонки. Все они, когда увидели Юрку, закричали громко и весело, и Маша громче и веселей всех:

— А, дед Макабка! Здравствуй!

— Это не я дед,— сказал было Юрка,— это вот она — бабка!

Но его никто не слушал.

Всем очень понравилось, что в деревне появился такой маленький дед. Даже самый настоящий старый дед Семён обрадовался и говорил теперь с Юркой уважительно.

— А ну давай, кум, садись, посидим... Нашего с тобой полку прибыло. А то уж в деревне вроде маловато стало нас, дедов!

Так и прозвали Юрку с тех пор дедом Макабкой. Так его долго звали.

Ему уж давным-давно надоело быть дедом, а всё звали. Вот что значит дразниться!

А ведь он был неплохой человек, Макабка!

ТОВАРИЩ МАКАБКА

Маша жила совсем рядом, в соседнем доме, и у неё был братишка Колька, немного постарше деда Макабки годами и повыше ростом. Этот Колька часто дразнил деда Макабку и даже один раз ни за что ни про что стукнул по шее. Так что любить этого Кольку деду Макабке было не за что.

И вот однажды утром Колька сорвался с крыши. Что ему там понадобилось, никто не знал. То ли он отправился гонять голубей, то ли разыскивать отцовские удочки.

Все видели, как он полетел с самого верха головой вниз, размахивая руками и болтая ногами, и с ужасом думали, что Колька вдребезги разобьётся во дворе о дрова или старую телегу. Колькина мать, Наталья Сергеевна, стоя у колодца, выронила ведро из рук и чуть сама не упала в колодец от страха. Шутка ли — единственный сын летит, а куда — неизвестно.

К счастью, всё обошлось благополучно. Колька нырнул в кадку с дождевой водой, что стояла возле крыльца, вылез оттуда мокрый, целый и невредимый и долго ошалело стоял у всех на виду и плевался головастиками и жуками, которых за лето расплодилось в этой кадке видимо-невидимо.

И вот в тот самый момент, когда Колька выплонул изо рта последнего головастика, он увидел, что мать стала нащу-

пивать в заборе возле себя хворостину подлинней и покрепче. Сразу было заметно, что испуг её прошёл безвозвратно.

— Гули-гули!—сказала она страшным голосом.— Полез, голубчик, за голубями? А ну, снимай штаны!

Колька открыл рот пошире, собираясь зареветь во весь голос. Что ему ещё оставалось делать?

Дед Макабка, как лев, кинулся со своего крыльца на соседний двор. Только он один видел всё, как было с самого начала. Зря и не по своей вине попал в беду товарищ.

— Тётя, не тронь!—закричал он ещё на бегу.— Это

вовсе даже и не Колька сначала полез на крышу. Это наш кот полез за птицами. Колька — за ним, кот — от него! Кот — вверх, на дерево, Колька — вниз, в кадку!

— Заступник!— сказала Наталья Сергеевна растроганно.— А ну, пошли со двора хоть вверх, хоть вниз, чтоб вашего здесь духу не было! Нет с вами покоя ни днём ни ночью. Парашютисты!..

Ну и, разумеется, два друга, не дожидаясь лишних напоминаний, удалились от сердитой этой женщины.

На улице Колька долго глядел на товарища.

— Выручил, Макабка! — сказал он с удивлением.— Хм! Вот тебе и «хм!».

Дед Макабка был справедливым человеком.

РЫБАК МАКАБКА

Дед Макабка поймал ерша. Маша и Колька смастерили ему удочку, совсем настоящую, с крючком, поплавком и грузилом. Вместе с Машей он отправился на реку, на мост, сел рядом с настоящими рыбаками, поглядел по сторонам, поплевал на червяка и закинул длинную леску в воду.

Ерш схватил приманку. Поплавок нырнул, рыбаки со всех сторон закричали: «Тащи! Тащи!» Дед Макабка дёрнул удилице, и колючий растопыренный ёрш пулей вылетел из воды и упал на мост.

Дед Макабка ухватил свою добычу обеими руками и кинулся бежать к дому, позабыв на мосту удочку и банку с червяками. С разбегу он влетел в калитку и едва не ушиб до смерти щенка Шарика и кота Ваську.

— Вот!— сказал Макабка и положил ерша на крыльцо. — Поймал.

Все домашние тогда подошли к крыльцу—глядеть улов: бабушка, Шарик, две безымянные курицы, гусь Кепка, кот Васька и петух Павлин. Дед Макабка с подозрением поглядел на кота: не украл бы Васька ерша. Кот с малолетства был на лапу нечист. Но Васька хорошо знал ершову породу и связываться с колючей рыбёшкой не захотел.

На дереве во дворе сидели знакомые воробьи: они и без того нехорошее чирикали про Ваську.

Беда пришла неожиданная и нечаянная.

Петух Павлин высунулся вперёд, клюнул ерша в голову, перехватил поперёк и, хлопая крыльями, полетел по дво-

ру. У всех на глазах Павлин вознёсся на курятник и в три глотка управился с ершом вместе с колючками. Даже кот Васька, сам жулик, не ожидал от петуха такой прыти.

Конечно, дед Макабка должен был заплакать. Никакой ведь он был не дед, а просто маленький мальчишка, и ерша он поймал первого в своей жизни.

Дед Макабка не заплакал. Он погрозил петуху Павлину кулаком, повернулся, поправил, как полагается, свои штаны с белыми пуговицами и зашагал вон из дому. Маша побежала за ним следом.

На мосту, на речке, он нашёл свою удочку и банку с червяками, сел и поймал второго ерша.

Все тогда сказали: «Рыбак!»

ДОКТОР МАКАБКА

Щенок Шарик заболел. Он сидел у ворот один-одинёшенек и печально смотрел на гуся Кепку. У этого гуся на голове была такая нашлапка с козырьком, потому его и прозвали Кепкой.

Кепка, переваливаясь, бродил по дороге и подбирал арбузные корки под самым носом у Шарика. Кепка никак не мог понять, почему лохматый Шарик не лает и не прыгает. Вчера только они бегали вместе и ловили друг друга за хвосты, а сегодня — вот...

Кепка захлопал крыльями и закричал по-гусиному:

«Нехорошо! Эй, люди!»

Дед Макабка вышел из дому. Кепка скрылся в подворотне, а Шарик не двинулся с места и посмотрел на Макабку строго и непонятно. Большая мутная слезинка ползла по щенячьему носу. Чистая блестящая шёрстка Шарика стала пыльной и тусклой.

Макабка сейчас же побежал к бабушке и доложил, что Шарик плачет, и бабушка очень обеспокоилась. Собаки, маленькие и большие, никогда не плачут зря. К вечеру Шарик слёг. Бабушка принесла ему молоко в плошке. Он понюхал плошку и лизнул бабушке руку, а пить молоко не захотел.

Деду Макабке стало так жалко Шарика! Еле-еле он дождался утра и, как только бабушка ушла на огород окучивать картошку, тотчас же побежал к Маше. У неё во дворе стояла старая детская тележка. Дед Макабка поло-

жил в тележку соломы, на солому уложил Шарика и сверху накрыл щенка собственным своим одеялом. Наружу торчали только чёрный шершавый собачий нос, одно ухо и один глаз. А потом Макабка смазал сливочным маслом колёса у тележки, чтобы они не скрипели и не беспокоили Шарика, и они поехали.

Дед Макабка хорошо знал, где помещается колхозная лечебница для коров, лошадей и поросят. В эту лечебницу Маша ещё вчера носила ягнёнка, а дед Семён водил козу. Туда вот и поехал поутру со своей тележкой дед Макабка.

— Шарик заболел,— сказал он коротко ветеринарному фельдшеру Фёдору Фёдоровичу.— Надо лечить.

Фёдор Фёдорович посмотрел на деда Макабку и на Шарика. Шарик тоже посмотрел на фельдшера одним глазом, и дед Макабка посмотрел... Оба они хорошо и жалобно посмотрели на фельдшера.

— Ладно,— сказал тогда Фёдор Фёдорович.— Сейчас я поставлю поросёнку компресс и дам чёрной корове касторку, а потом займётся Шариком...

Этот колхозный фельдшер долго лечил Шарика. Шарик был тяжело болен, и ему впрыскивали лекарство — пенициллин. Каждый день дед Макабка привозил Шарика в лечебницу на приём и увозил обратно домой. И три раза в день кормил щенка сахаром.

И вот как-то незаметно Шарик стал поправляться. Он понемножку пил молоко и вилял хвостом, и шёрстка на нём опять посветлела и заблестела на солнце.

А потом вдруг в лечебнице, во дворе, Шарик вылез из тележки, вильнул на прощание хвостом фельдшеру и побрёл, пошатываясь, домой на своих четырёх лапах. Хватит, мол, поболел, пора и честь знать. До свиданья, товарищи доктора, привет!

Гусь Кепка и петух Павлин подняли крик на всю улицу, когда увидели, что Шарик сам, на своих ногах, идёт домой. Бабушка вышла на крыльцо встречать щенка. Колька и Маша прибежали поздравлять Шарика с благополучным возвращением.

Бабушка долго потом благодарила фельдшера Фёдора Фёдоровича, а он смеялся и отвечал:

— Не за что! Вылечил Шарика вовсе не я, а знаменитый доктор Макабка!

Все это слышали.

МАКАБКА-ПУТЕШЕСТВЕННИК

Макабка проснулся рано. Солнце светило в окна прозрачным холодным светом. Горшки и кастрюльки возле печки стояли вверх доньшками — стало быть, бабка ещё не поднималась.

Дед Макабка надулся и повернулся на левый бок, лицом к стенке. Он уже собрался засыпать заново, досматривать сон про Будённого, Покрышкина и Щорса, но под окном в саду кто-то вздохнул и фыркнул, и Макабка перекатился с левого бока на правый.

Цветы на подоконнике шевельнулись, чёрная страшная морда просунулась в комнату и зацепила длинными губами куст колючего столетника. Столетник — Макабка это знал по собственному опыту—горчил отвратительно, как самое плохое лекарство от лихорадки. Чёрная морда пожевала его немного, сморщилась и в негодовании выплюнула на пол мятые колючки. Ага! Не любишь!

Макабка в азарте вскочил на ноги.

Морда глядела на Макабку в упор чёрными добрыми глазами. Макабка всё понял и тотчас же вылетел во двор. Лошадь председателя Ивана Антоновича отвязалась у конюязи и забрела к Макабке в палисадник. Лошадь под седлом и с уздечкой! Раз в сто лет такие лошади отвязываются и попадают в руки Макабкам! Прощай, бабка! Прощай, Маша!

Очень долго Макабка, пыхтя, в поту, влезал на карего иноходца. После многих зряшних усилий он догадался подвести Карего к скамейке под окном и уже оттуда, перекинув поводья на шею коню, взобрался в седло. Где-то далеко внизу оказалась земля и трава, и на полдороге до земли болтались великолепные недосягаемые стремяна. Ну и ладно! Тпру! Но! Поехали! Без стремян!..

Карий вышел из калитки боком, оглядываясь, храпя и косясь на Макабку,— это ещё что за птица уселась на спину? Конь понимал и осуждал своё нехорошее поведение—ни с того ни с сего удрал от хозяина, как жеребёнок-стригунок. Но с другой стороны, надоедает и коню стоять на одном месте!

— Куда? — Макабка потянул на себя левый повод.

Конь удивлённо выгнул шею — повод тянул за околицу. Макабка сидел в седле неслышный и лёгкий, как пушинка. Карий повернул в поле.

Вот это был день! Никогда ещё Макабка не видел землю с такой высоты и такую большую.

Они не успели проехать и первое поле жёлто-золотистого льна, когда их с отчаянным лаем догнал Шарик. Щенок кубарем покатился под копыта коню. «Куда ты его везёшь, лошадиная твоя морда? Слезай! Куда залез?—лаял он на Макабку. — Матушки! Батюшки! Гав-гав!» Еле-еле Макабка и Карий успокоили Шарика. Карий что-то по-своему, по-лошадиному, объяснил щенку, а дед Макабка бросил ему ещё и кусок сахару. Шарик сразу перестал лаять и пры-

гать: когда человеку худо, он сахаром не швыряется. Они втроём отправились путешествовать: дед Макабка, конь и щенок.

Карий старался не вспоминать о председателе Иване Антоновиче. Седок ему попался легче и по весу и по характеру. Никто не видел из колхозного начальства, как конь за бугром с удовольствием схрупал две метёлки молодого овса, и Карий проникся к Макабке любовью и нежностью. Попробовал бы кто хрупать колхозный овёс при самом председателе!

По всей широкой колхозной земле катал в этот день Карий Макабку.

В лес привёз, где столько растёт грибов и ягод, Шарик выгнал из-под одного куста рыжего зайца, а из-под другого — серую лису, и Макабка очень удивился: на лето звери поменялись цветом. В поле привёз, где косили высокую рожь. Даже комбайнер Пётр Иванович остановил свой громадный корабль-комбайн и долго смотрел с великим удивлением, как едет на председателевом иноходце по колхозному полю богатырь-путешественник Макабка.

И на полевой стан привёз в конце концов. На этом самом стане сидел у палаток председатель Иван Антонович и охал и ахал: конь у него пропал неизвестно куда!

— Шутка ли дело? — тосковал председатель. — Убежал! Вернётся, говорите? А вчера в Чёрном овраге видели волка...

Он даже пообещал высокую колхозную награду тому человеку, который приведёт ему коня живого и здорового. И как только вымолвил председатель такие слова, показавшись из-за бугра на карем коне дед Макабка!

Выдали ему награду!

КАВАЛЕР МАКАБКА

Утром в воскресенье бабушка заметила, что её дорогой внук Макабка сидит за столом, молчит и во все глаза смотрит в одну точку. Бабушка тоже поглядела в эту точку. На самом светлом окошке у бабушки рос большой куст крымской камелии, весь покрытый белыми красивыми цветами. Дед Макабка глядел на этот куст не отрываясь и для чего-то зажимал в кулаке острый столовый ножик.

— Смотришь? — спросила бабушка ласковым и проникновенным голосом. И вдруг не выдержала: — На что смотришь? Зачем ножик прячешь под скатертью? Я тебя, ты не думай, насквозь вижу, такого-сякого!..

Дед Макабка поплотней застегнул на животе две пуговицы — просматриваться насквозь ему не хотелось — и посмотрел на бабушку добрыми и послушными глазами.

— А я все цветы и не буду отрезать, — сказал он добродушно. — Я половину тебе оставлю. Ты, бабушка, садись... садись... не кричи!

Тут же выяснилось, что сегодня у Маши день рожде-

ния и ей исполнилось ужасно много лет — целых восемь. И деду Макабке неудобно идти к Маше в гости без подарка.

Он сам видел, как одной дачнице дарили на рождение цветы, целую охапку. А что, Маша хуже дачницы?

— Хм! — сказала теперь бабушка. — Цветок-то мне, внучек, разорять жалко. Но и с пустыми руками к Маше ходить не след.

Бабушка задумалась и думала о чём-то долго, целый час, а может быть, и больше. А потом она взяла чистую тряпку и вытерла пыль с цветка, с каждого листика...

— Дарить так дарить, — сказала бабушка. — Тащи уж тогда весь горшок. Поднимешь?

— Подниму, — сказал дед Макабка. — Подниму и не разобью, не беспокойся.

Все так и ахнули, когда он появился на пороге Машиного дома с огромным цветочным кустом в руках, за которым и не видно было самого Макабки.

— А ведь ты, дед Макабка, — кавалер! — сказал дед Семён.

— А что? — ответил Макабка невозмутимо. — Конечно, кавалер.

Все засмеялись, а Маша сказала:

— Спасибо тебе, Юрик!

Ну, и тогда все наперебой стали хвалить деда Макабку:

— Товарищ он?

— Товарищ!

— Рыбак?

— Рыбак!

— Доктор?

— Доктор!

— Путешественник?

— Путешественник!

— Кавалер?

— Кавалер!

Ну так какой же он Макабка? Просто он хороший человек. Вот и всё.

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ О МАМЕ . . .	3
ДЕД МАКАБКА . . .	19

Для младшего школьного возраста

Борис Александрович Емельянов

РАССКАЗЫ О МАМЕ

ИБ № 4004

Ответственный редактор *Л. П. Серебрякова*. Художественный редактор *Н. З. Левинская*. Технический редактор *Т. П. Тишина*. Корректор *В. А. Иванова*. Сдано в набор 08.08.80. Подписано к печати 09.03.81. Формат 70×100/16. Бум. типогр. № 2. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,6. Усл. кр. отт. 6,5. Уч. изд. л. 2,2. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 653. Цена 10 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

9
Y

Серия «ЧИТАЕМ САМИ»

ДОРОГИЕ ПЕРВОКЛАССНИКИ

Издательство «Детская литература» выпускает для вас серию книг «**Читаем сами**»

В 1981 году вышли и выходят такие книги:

КАК СТАРИК ДОМОВНИЧАЛ

Русские народные сказки

УТРО

Стихи, рассказы

Л. Н. Толстой

КАК ГУСИ РИМ СПАСЛИ

Истории, были, описания

В. Белов

ПРО МАЙКУ

Рассказы

Т. Белозеров

КАРАСИК

Стихи

О. Высоцкая

НАД РЕКОЙ НАД ОКОЙ

Стихи.